

М а й 2 0 0 4 г.

4 мая 2004 г., Мурманск

С 19 по 28 апреля я был в командировке в Питере и Калининграде. Получил кандидатский диплом Олега Мартыненко в Учёном Совете С-ПбГУ (так коряво называется теперь наша с ним «альма матер»), встречался с проректором С-ПбГУ по научной работе Владимиром Николаевичем Трояном, он же зав нашей кафедры физики Земли, беседовал с ним по вопросам финансирования науки в их заведении, организации управления университетом в целом (я же – председатель комиссии по оптимизации управления МГТУ), работы диссертационного совета, который возглавлял Михаил Иванович Пудовкин, а теперь будет Семёнов, и т.д., и т.п.

По аналогичным вопросам общался с Сашкой Шабровым у него в Медицинской Академии имени Мечникова, а в Калининграде – с проректорами КГТУ (бывший КТИ) по научной (Брюхановым) и учебной (Шутовым) работе (эту встречу мне Вася Слежкин(!) организовал, от него я, кстати, узнал, что Коля Бобарькин докторскую (!) в КГТУ стряпает), с проректором по научной работе Калининградского Пограничного Института ФСБ (где Кореньков с Ваней преподают) Крюковым, с деканом физфака КГУ Лёшей Ивановым (по телефону), в обсерватории на семинаре выступил с последними нашими результатами (без какой-либо критики в этот раз со стороны ученичков моих бывших), с Шагимуратовым план проекта на грант ИНТАС обсуждал.

С тётёй Тамарой в Сестрорецке к адвокату ходили по поводу раздела её дачи и участка с соседкой, которой принадлежит одна треть участка и дома, а занимает она больше половины, деньги ей оставил на размежевание через Бюро судебной экспертизы, брёвна с тётёй Тамарой пилили у неё на даче, редактировал тётё Тамаре её воспоминания о работе на заводе в эвакуации в Новосибирске (и вообще о жизни там в это время) для книги, которую хотят издать ветераны завода. Новостью для меня оказалось (или забыл?), что тётё Тамарин отец взял её мать в жёны с пятью детьми (один в животе ещё был) – Лёня, Миша, Лида, Зоя, Валя - после гибели её мужа на субботнике от взрыва снаряда или мины, а потом у них ещё Тамара и Виктор родились.

По поводу отцовской квартиры в Калининграде никуда не ходил, так как понял, что Саша с Люсей без меня этот вопрос как-то для себя решили, по-видимому, с участием Татьяны Николаевны – жены Гришиного отца, а как – ни сил, ни желания даже узнавать нету.

А в Питере ещё в редакцию журнала «Звезда» заходил и оставил там кое-какие главы своих «Записок» Антонине Константиновне Славинской, пожилой, курящей прямо на рабочем месте редакторше в очках, которая хоть и не обещала прочесть быстро, но всё же папку мою взяла; договорились, что я свяжусь с ней через месяц. Вышел я оттуда с ощущением «дежа вю», что это уже было...

Ирине я рассказывал о наших проблемах с Митей. У них с Леной финансовый кризис, Мите не дали тринадцатую зарплату, живут сейчас на двух квартирах, платить за обе приходится, переезд из Констанца стоит бешеных денег, Мите на новой работе надо осваиваться, а мы вместо того, чтобы им помочь в это трудное время, настраиваем Митю против Лены, хотим их семью разрушить.

Сашуля, действительно, считала, что им лучше разойтись, коли Лену Митя не может обеспечить с её запросами, а я Мите ещё прошлым летом во Владимире сказал, что против развода, что это его крест, и он должен его нести.

Ирина откомментировала:

- Ну, конечно, у них всегда финансовые трудности, а у других их нет. Мы все должны на Лену работать.

И добавила:

- Ох, родители, не знаю, что вам и посоветовать. Сами с Михаилом справиться не можем.

Сашуля по телефону сообщила мне, когда я был в Калининграде, что написала Мите письмо (от 23 апреля). Я спросил:

- Уже отправила?

- А что, нельзя без твоей санкции?

- Ну, отправила, так отправила.

Но ёкнуло у меня что-то: зудит у ней разбирательства продолжить, а это не к добру. Когда я вернулся в Мурманск (прилетел 28-го), ответа от Мити не было, хотя Сашуля в этот день послала ему второе письмо (от 28 апреля). Ответ пришёл 29-го, но написано письмо было 25-го. 29-го я прочитал все три последних письма – два от Сашули и одно от Мити. Сашулю это его последнее письмо оглоушило. Вернувшись с работы домой, я застал её в полнейшем трансе.

- Ну, что, получила по лбу? Вот не надо было соваться. Всё тебе не терпится.

Конечно, глупостей она понаписала. Но какова реакция сынули?! С каждым разом всё более хамская. Видать, достали мы их своими комментариями. Сашуля уверяла меня, что Митино письмо написано под Ленину диктовку. Какая разница – под диктовку или нет? Им написано.

А в воскресенье Митя позвонил нам домой.

И очень агрессивным тоном потребовал от мамы извинений.

Сашуля дрожащим голосом сказала, что его последнее письмо написано не как к матери, а как к чужому, глубоко антипатичному человеку, которого хочется по щекам отхлестать.

Я, в свою очередь, потребовал извинений от него и обозвал его свиньёй неблагодарной.

- Мама, может, и не права, и ерунду написала, но к чему этот грубый тон? Зачем маме приписывать выражение «зажралась», которое она в принципе не употребляет? (- Говорила!, - кричал в ответ Митя. – Нет, никогда! – восклицала Сашуля.) Какой ещё «очередной удар ножом в спину»? Что ты несёшь? Неужели вы с Леной не понимаете, что такими выражениями отношения не налаживают и добиваются совершенно противоположного желаемому результату? Я тебе уже перестал писать, хочешь, чтобы и мама перестала?

Митя ответил, что это мы разрушаем наши с ними взаимоотношения, что мы их всё время поучаем, а выслушать и понять их не хотим, и что иногда такой жёсткий тон необходим, на что я ему сказал:

- Ну, и оставайся с этим...

И повесил трубку. Просто физически не мог дальше эту перебранку продолжать.

Сашуле-то я уже не раз говорил, что не надо в их отношения влезать, какой бы Лена ни была. Сами пусть разбираются. Им, действительно, трудно. Мите особенно – меж двух огней оказался. Да и Лену мне жалко. Они с Сашулей на пару зацикленные – каждая на своём. Очень всё грустно это.

Письмо Сашули Мите от 6 мая 2004 г.

Дорогие Митя и Лена!

Я очень сожалею, что мои письма и высказанные мною мнения и оценки так возбудили вас. Папа всё время меня ругает, что я навязываю вам свои решения и, высказывая свои мнения, фактически вмешиваюсь в ваши отношения. И хотя я вроде бы таких намерений не имею, на деле, наверное, получается именно так. Простите.

Но, тем не менее, я не нахожу в своих письмах повода для тебя, сын, считать их «очередным ударом ножа в спину», «подкопом под вас», мнением, что Лена «зажралась». Подобные высказывания в свой адрес считаю просто оскорбительными. В таком тоне не выясняют отношения и не улучшают

взаимопонимание. И папа резко оборвал телефонный разговор, не желая продолжать его в том агрессивном с твоей стороны, Митя, тоне. Да при том ещё, что ты так непоколебимо уверен в абсолютной правоте своих мнений, в своем праве быть с нами жёстким, а иногда даже жестоким. И ты в этом даже ни разу не усомнился за все эти два года наших выяснений отношений.

А Лена достойна уважения не только за те качества, которые ты, Митя, перечислил, но и ещё за многие другие.

Мама.

Письмо Сашули Мите от 13 мая 2004 г.

Дорогие Митя и Лена!
Поздравляем вас с днём вашей свадьбы.
Желаем счастья. Целуем.
Мама, папа

Ответ Мити

Спасибо.

Письмо Юры Зарницкого от 14 мая 2004 г.

Здравствуйте, уважаемый Александр Андреевич!

Может, Вы помните ещё меня - до 1991 я работал у Власкова, а потом ушел из ПГИ и уехал в Израиль. Случайно нашёл в Сети сегодня Ваши "Записки рыба-loва-любителя" и почитал их с большим удовольствием ("...И всё бывшее в отжившем сердце ожило," - буквально так).

Прошлым летом я вновь побывал в Мурманске, но очень недолго, заходил в ПГИ, посетил и Мореходку; познакомился с Власковым, Боголюбовым, Колей Овчинниковым, Полтевым и др.

ПГИ предстал перед моими глазами как унылый погост, ревностно охраняемый румяным сторожем по фамилии Терещенко. В полутемных коридорах кладбищенская тишь, и только эхо разносит иногда крики доблестного и неутомимого Мельниченки...

Я здесь, в Израиле, как всякий эмигрант хлебнул лиха. Но сейчас вроде всё более или менее наладилось. Работаю в двух местах - в одной небольшой high-tes компании + подрабатываю в лаборатории плазмы института Вейцмана. Там занимаюсь рентгеновской спектроскопией и диагностикой горячей (термоядерной) плазмы. С балкона нашей квартиры виден краешек моря (Средиземного), и разглядывая его я часто вспоминаю то счастливое время, когда все мы были молоды, и когда я жил в Мурманске на ул.Достоевского, и вот так же любовался видом на Кольский залив.

Еще раз спасибо Вам, Саша, за эту публикацию, желаю Вам творческих, научных успехов, всех благ, крепкого здоровья. Буду искренне рад получить ответ на это письмо.

С наилучшими пожеланиями ---- Юрий З.

Мой ответ Зарницкому от 14 мая 2004 г.

Добрый день, Юра!

Спасибо за тёплое письмо. Приятно получать отклики читателей – не зря, значит, старался.

Я Вас, конечно, прекрасно помню. И даже отчество Ваше - Фёдорович - помню. И слова «радиоаврора», «неустойчивость Фарли (тогда писали Фарлея) - Бунемана» не забыл. И всю вашу славную радиоавроральную кампанию коллег-соперников, разбежавшихся ныне по белу свету, помню. Вы в Израиле, Кустов в Канаде, Успенский в Финляндии, Тимофеев в Петергофе (и регулярно меня оттуда достаёт всякими предложениями). Юрия Львовича в прошлом году отправили, наконец, на заслуженный отдых в почти уже невменяемом состоянии. Опекавшая его Нелли Сергеева продолжает трудиться в ПГИ. А сам ПГИ Вы видели и чудесно его живописали.

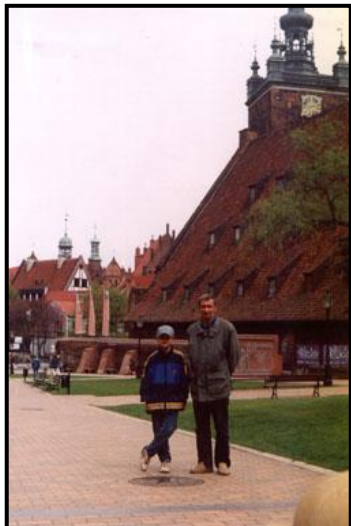
О себе и ближайшем окружении я продолжаю писать в «Записках рыба-loва-любителя» и по мере наличия свободного времени грузю очередные главки на свой сайт.

Будет желание пообщаться – пишите.

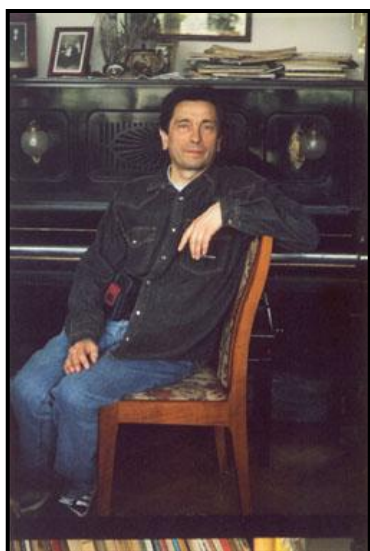
С наилучшими пожеланиями, искренне Ваш

ААН

Фотографии Ирины, сделанные в мае 2004 г. в Гданьске и Калининграде

Ваня, Алёша, Ирина, Аня, Серёжа и Маша, Гданьск, май 2004 г.

Пианисты Серёжа и Ирина, май 2004 г.

Ваня, Алёша, Лебле, Кшевецкий и Федя Бессараб в походе, май 2004 г.